

УДК 821.161.1

Л.М. СОРОКИНА,
*кандидат филологических наук,
доцент Московского гуманитарного института
имени Е.Р. Дашковой (Российская Федерация)*

АНАЛИЗ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОСКОВСКИХ ФЕЛЬЕТОНОВ М.А. БУЛГАКОВА

Данная статья посвящена анализу мифопоэтического пространства московских фельетонов М.А. Булгакова в сравнении с другими произведениям писателя, в том числе и романом «Мастер и Маргарита». В истории исследования наследия М.А. Булгакова публицистика 1920-х гг. занимает весьма скромное место. Рефреном через все булгаковедение проходит мысль о прикладном характере журналистского творчества писателя. Тем не менее, именно публицистика становится отправной точкой творчества Булгакова, мы можем говорить о мифопоэтическом пространстве булгаковских фельетонов, сакральной географии Москвы как об одном из важнейших содержательных аспектов булгаковского творчества.

Ключевые слова: фельетонистика, сакральное пространство, концепт пути, мифопоэтическое пространство, город как текст.

Город является особым текстом, под которым понимаются все «сообщения», «отправляемые» улицами, площадями, островами, садами, водами, памятниками, зданиями, людьми и требующие пристального изучения. Западными учеными велись исследования в области символики архитектуры и семиотики города (Р. Барт, К. Леви-Стросс, Ч. Дженкс, К. Линч и др.), были введены такие понятия, как «семиотика пространства» (Р. Барт), «текст, код, знак, синтаксис, семантика пространства архитектуры» (Ч. Дженкс), образ города (К. Линч), предложено определение архитектуры как пространства коммуникации, города как текста. Город был определен как пространство коммуникации, состоящее из отдельных структурных элементов, подчиненных целому (ландшафту, стилю, мифологии и др.) и являющееся знаковой средой обитания человека.

«Город – один из сильнейших и полнейших воплощений культуры, один из самых богатых видов ее гнезд. Когда колеблется жизненность великой культуры, сердце невольно влечется погрузиться в нее, лучше ее разгадать, слиться с нею теснее», – писал И.М. Гревс в предисловии в «Душе Петербурга» Н.П. Анциферова [1, с. 18]. В поисках «души» города Н.П. Анциферов создал модель анализа городского пространства (метафизики города), описал образ города через категории «гений места», «архетип пространства», определил отношение к образам пространства в контексте литературы, обосновал важнейшее направление изучения городской культуры: анализ психологии, физиологии и анатомии города [1, с. 18].

В.Н. Топоров утверждал, что город «может быть понят, как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте» [9, с. 34]. Под гетерогенностью принято понимать присутствие в тексте нескольких семантических кодов.

Городской текст, как отмечал В.Н. Топоров, – это то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и

люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. Эти тексты составляют особый круг. Они самостоятельны: их составители знают, что нужное им не может быть передоверено официальным текстам «высокой» культуры» [9, с. 34].

Образ города имеет свою судьбу. Судьба понимается нами как историческое выявление личности. Безликий процесс не может быть определен судьбой, как безликие горожане не определяют судьбы города. Город имеет свои законы развития, над которыми не властны носители этого образа, его выразители. Чтобы постичь эти законы, составляющие душу города, следует обращать внимание на такие составляющие истории и мифологии города, как метеорологические мотивы, мотивы времени и пространства (теснота, скупенность – суженный хронотоп), мотив болезни, внутренне связанный с целой серией мотивов – обман, разочарование, старость, увядание, смерть, мифологию запахов и звуков – так называемый ольфакторный фон.

Нам кажется возможным рассмотреть тему города в творчестве М.А. Булгакова как культурный код, необыкновенно важный для понимания творчества писателя и тесно связанный с сакральной географией его произведений. Заметим, в романе «Белая гвардия» писатель ни разу не счел нужным обозначить город каким-нибудь именем, Киев угадывается в тексте романа, но не называется. «Нет Киева – есть только «город» (со строчной литеры) в речи персонажей и «Город» (с прописной) авторской речи», – замечает в работе «Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова» М.С. Петровский [7, с. 121].

В то же время Москва М.А. Булгаковым названа, улицы города, появляющиеся в произведениях писателя, в отличие от «Белой гвардии», не зашифрованы, а реальны, и в то же время наполнены особым, мистическим смыслом. Недаром Чичиков въезжает в столицу, «пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам» [2, с. 3]. При этом разрушается временной и закольцовывается пространственный диапазон текста, поскольку, благополучно миновав Лубянку, Чичиков оказывается в той самой гостинице, откуда сто лет назад выехал. Читателю сложно найти буераки в районе Лубянки, однако ощущение нереального, мистического пространства усиливается, благодаря аллюзии к гоголевским текстам: «Ведь, ежели узнают, что я Чичиков, натурально, в два счета выкинут к чертовой матери! Да еще хорошо, как только выкинут, а то еще, храни Бог, на Лубянке насидишься. А все Гоголь, чтоб ни ему, ни его родне»... И, размышляя таким образом, въехал в ворота той самой гостиницы, из которой сто лет тому назад выехал» [2, с. 3].

Символика мифологического круга в данном случае связана с мыслью об аналогичности условий бытия и преемственности условий бытия в разные исторические эпохи, о мифологизации образа гостиницы как вечного пристанища одинокого Путника. Путь, путешествие, движение представляют собой ключевые мифологические категории. Достаточно вспомнить деяния знаменитых мифологических героев, которые отправляются «за тридевять земель» и совершают там удивительные подвиги, определяющие всю последующую историю (судьбу) человечества. Схема Пути традиционно включает такие векторы, как Путь вперед (прямой и кривой, нехоженный, окольный), Путь вверх и Путь вниз. Путь по московским буеракам, минуя Лубянку, весьма примечателен тем, что буерак, небольшой овраг, обрыв, случит символом дороги в пропасть, в ад, а поскольку Лубянка ассоциируется с отнюдь не райскими кущами, то дорога Чичикова к гостинице – это путь между Сциллой и Харибдой, это путь Агасфера, обреченного на вечные странствия по земле. В романе «Мастер и Маргарита» это путь Бездомного, путь Понтия Пилата.

Булгакову важны входы в город и его врата, храмы и цитадели, а конкретные топонимы, использованные писателем, превращаются в символы: общежитие, управляемое лысым дядькой Пименом, кафе на Тверской на широкую ногу, «Пампуш на Твербуле» («Похожения Чичикова»), Патриаршие пруды, «Грибоедов», Варьете, готический особнячок Маргариты и подвал мастера («Мастер и Маргарита»).

Образ Москвы присутствует во многих произведениях писателя, начиная с ранних публицистических заметок о Москве, опубликованных в газете «Гудок» (1922–1926). В повести «Роковые яйца» дан образ фантастической, неправдоподобной Москвы, в которой природное начало подавлено механическим, искусственным.

Символами бездушной, фальшивой Москвы являются спящие, как челноки, трамваи, «глухо кричащие автомобили» [5, с. 72]. В своих дневниках от 1923–1925 гг., опубликованных под заглавием «Под пятой», М.А. Булгаков создает картину жизни реальной Москвы, не менее ужасающую: «Через два часа придет Новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас, и мне приснилось: Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино... Придет ли старое время? Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать! Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. **Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица**» [3, с. 12]. Однако в том же 1923 г. в серии очерков-фельетонов «Столица в блокноте» писатель дает менее ужасающую, на первый взгляд, картину столицы. В очерке-фельетоне «Бог ремонта» писатель радуется преобразованиям: «Я с чувством наслаждения прохожу теперь пассажи. Петровка и Кузнецкий в сумерки горят огнями. И буйные гаммы красок за стеклами – улыбаются лики игрушек кустарей» [4, с. 148].

Однако радость писателя какая-то лубочная, ненастоящая, потому что до революции и Петровский пассаж и торговые дома на Кузнецком мосту были заполнены отнюдь не игрушками кустарей, **лики которых** улыбаются сквозь стекла витрин. Ключевым словом, по сути смысловым кодом в данном случае является слово «лики» в сочетании со словами «игрушки кустарей», поскольку слово «лик» – изображение лица на иконе – несовместимо со словом «игрушка», таким образом, возникает ощущение лубочности, карнавальности происходящего.

По воспоминаниям современников, М.А. Булгаков постоянно обращался к справочнику «Вся Москва» издательства Сабашниковых за 1914 г., был знаком с трудами известного московеда историка И.Е. Забелина. Сравнение опустошенных торговых центров Москвы 1920-х годов с дореволюционными типично для прозы и публицистики Булгакова этих лет. В «Похождениях Чичикова» это подвалы – склады «Пампуша на Твербуле», принадлежащие Чичикову с «несметным количеством продуктов», при виде которых Емельян Ротозей просит **«душу отпустить на покаяние»**. Аллюзия к Грибоедовскому «Горе от ума» позволяет усмотреть в «Памбуше на Твербуле» будущий ресторан «Грибоедов». Если в фельетонах М.А. Булгакова аллюзии к Грибоедову связаны со смысловой параллелью «век нынешний – век минувший», то названный писателем уже в романе «Мастер и Маргарита» адом «Грибоедов» становится синонимом преисподней. Если в фельетоне «Бог ремонта» образы торговых центров, символов благополучия дореволюционной России только обозначены, то в повести «Роковые яйца» дается описание торгового центра «Мюр и Мерилиз» советского времени: «Над бывшим Мюр и Мерилизом, над десятым, надстроенным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова: «Рабочий кредит» [5, с. 74].

Эта огненная, возвышающаяся над городом женщина напоминает вавилонскую блудницу, символ города падшего, анти-города: «...И я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее. И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным... И сказал мне Ангел: что ты дивишься? я скажу тебе тайну жены сей и зверя, носящего ее... Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель... Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями» [6, с. 34]. В.Н. Топоров в работе «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте» говорит о двух типах городов: «городе-деве», светлом и чистом, и «городе-блуднице», который только «кажется праведным, а на самом деле – пал» [9, с. 212], следовательно, мы можем говорить об образе Москвы, созданном М.А. Булгаковым в повести «Роковые яйца» как об анти-городе – падшем Вавилоне.

В противопоставлении праведных и грешных земель, характерном для сакральной географии и индоевропейской мифологической системы в целом, отражены представления о рае и аде. Таким образом, понятия рая и ада как бы «проецируются на географическое пространство Москвы двадцатых годов с доминантой ада, и, соответственно, эти «понятия лежат в основе представлений о святости и грешности места» [9, с. 124].

В данном случае праведным оказывается место торговое, а не святое, что связано с обыгрыванием концепта «торг» в мифопоэтическом пространстве, берущем начало от мифа о Гермесе, боге торговли и прибыли и покровителе путников. При этом именно Гермес в античной мифологии выполнял двойную функцию, с одной стороны следил за материальным благополучием граждан, с другой – был посланником, вестником богов и проводником душ умерших в царство Аида. Таким образом, в изображенной М.А. Булгаковым послереволюционной Москве входы в пассажи и торговые дома воспринимаются как варианты пути в Аид, мир мертвых. Смелость Булгакова-сатирика в том, что, восхваляя и мифологизируя Бога ремонта, писатель создает перевернутую реальность, своеобразный реквием коммунистической столице. Принцип зеркальности в данном случае – это принцип искажения реальности, когда искаженный образ является истинным. У Булгакова отражение и оригинал соединены магической связью, поскольку зеркало не только отражает или искажает пространство, но и удерживает души или жизненную энергию отраженного мира.

В повестях и романах М.А. Булгаков будет постоянно использовать зеркало, как образ, предвещающий появление нечистой силы. Так, в «Роковых яйцах» волшебный луч получен при помощи комбинации линз и зеркал. В романе «Мастер и Маргарита» уже прямо указывается на зеркало как на дверь в зазеркалье, мир нечистой силы. Например, в квартире Стёпы Лиходеева Бегемот и Коровьев появляются сначала отразившись в зеркале и только потом, реально, в квартире. С помощью элементов московской топонимики М.А. Булгаков показал дьявольский, «перевернутый» характер московской действительности.

Список использованных источников

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга / Н.П. Анциферов. – Л.: Наука, 1925. – 115 с.
2. Булгаков М.А. Похождения Чичикова / М.А. Булгаков // Фельетоны. – М.: АСТ, 2011. – 258 с.
3. Булгаков М.А. Под пятой / М.А. Булгаков. – М.: Правда, 1990. – 154 с.
4. Булгаков М.А. Столица в блокноте / М.А. Булгаков // Полное собрание романов, повестей, рассказов в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2008. – 368 с.
5. Булгаков М.А. Роковые яйца. Собачье сердце / М.А. Булгаков. – М.: АСТ, 2007. – 342 с.
6. Откровение Иоанна Богослова. – М.: Издательство Московской духовной академии, 2010. – 112 с.
7. Петровский М.С. Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова / М.С. Петровский. – Киев: Дух и Літера, 2001. – 298 с.
8. Смирнов С.А. Антропология города, или о судьбах философии урбанизма в России / С.А. Смирнов. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 2002. – 315 с.
9. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.
10. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М.О. Чудакова. – М.: Книга, 1998. – 628 с.

References

1. Antsiferov, N.P. *Dusha Peterburga* [Soul of Petersburg]. Leningrad, Nauka, 1925, 115 p.
2. Bulgakov, M.A. *Pohojdeniya Tshitshikova* [Adventures of Tchitchikov]. *Felyetony* [Feuilletons]. Moscow, AST, 2011, 258 p.
3. Bulgakov, M.A. *Pod piyatoj* [Under the fifth]. Moscow, Pravda, 1990, 154 p.
4. Bulgakov, M.A. *Stolitsa v bloknote* [Capital in a notebook]. *Polnoe sobranie Romanov, povestej, rasskazov v odnom tome* [Full collection of novels, stories, stories in one volume]. Moscow, Alfa-kniga, 2008, 368 p.
5. Bulgakov, M.A. *Rokovyje jajtsa. Sobatscie serdtse* [Fatal eggs. The dog heart]. Moscow, AST, 2007, 342 p.
6. *Otkrovenije Ioanna Bogoslova* [Ioann Bogoslov's revelation]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskoj duhovnoj akademii, 2010, 112 p.

7. Petrovskij, M.S. *Master i gorod. Kievskije konteksti Mihaila Bulgakova* [The master and city. Michael Bulgakov's Kiev contexts]. Kiev, Duh i litera, 2001, 298 p.

8. Smirnov, S.A. *Antropologija goroda, ili o sudbah filosofii urbanizma v Rossii* [Anthropology of city, or about destiny of urbanism philosophy in Russia]. Novosibirsk, Izdatelstvo Novosibirskogo gosudartvennogo universiteta, 2002, 315 p.

9. Toporov, V.N. *Prostranstvo i tekst* [Space and the text]. *Tekst: semantika i struktura* [The text: semantics and structure]. Moscow, Nauka, 1983, 412 p.

10. Tchudakova, M.O. *Jizneopisaniye Mihaila Bulgakova* [Michael Bulgakov's biography]. Moscow, Kniga, 1998, 628 p.

Статтю присвячено аналізу міфопоетичного простору московських фейлетонів М.О. Булгакова порівняно з іншими творами письменника, в тому числі і з романом «Майстер та Маргарита». В історії дослідження спадщини М.О. Булгакова публіцистика 1920-х рр. посідає вельми скромне місце. Рефреном крізь все булгакознавство проходить думка про прикладний характер журналістської творчості письменника. Проте саме публіцистика стає відправною точкою творчості Булгакова, ми можемо говорити про міфопоетичний простір булгаківських фейлетонів, сакральну географію Москви як про один з найважливіших змістовних аспектів булгаківської творчості.

Ключові слова: фейлетоністика, сакральний простір, концепт шляху, міфопоетичний простір, місто як текст.

The article gives an indeapth analysis of mythopoetic spectrum of Moscow feuilletons by M.A. Bulgakov, comparing them with other novels by the same author, including the novel «**The Master and Margarita**». In the study of publicistic works of the 1920s little attention was given to the review of written works by M.A. Bulgakov. **The writings of Bulgakov are treated as applied if looked upon from the journalistic point of view.** Nevertheless, the publistic style is the key aspect of the creative art of Bulgakov. Myths and poetry are closely interlaced in the written works of the author, giving new sacred interpretation to real geographic places found in Moscow. This very fact makes the works of Bulgakov unique, creating a new distinctive style of the author.

Key words: feuilleton, sacred aspect, the concept of the way, mythopoetic aspect, city as an illustration to the story.

Одержано 21.10.2015.